

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

УДК 81'373

<https://orcid.org/0000-0002-3208-0549>

Е. И. Беглова

Внутренний источник развития лексики русского литературного языка в XX–XXI веках

Для цитирования: Беглова Е. И. Внутренний источник развития лексики русского литературного языка в XX–XXI веках // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 50–58.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-50-58

Предметом исследования является диалектная, разговорная, просторечная и неологическая лексика как источник обогащения русской литературной лексики в советский и постсоветский периоды. В качестве аргументации большой роли ненормированной лексики русского языка в развитии русской литературной лексики выступает русский словарь языкового расширения А. И. Солженицына, а также его повесть «Матрёнин двор», в языке которой художественно отражается мнение писателя по поводу диалектной, разговорной и устаревшей лексики.

Цель статьи: исследовать проблему развития лексики русского литературного языка за счет ненормированных исконных средств: диалектной, разговорной, просторечной, а также неологической лексики в советский и постсоветский периоды.

Новизна исследования заключается в изучении проблемы использования диалектной, разговорной, просторечной лексики и неологизмов в качестве источника пополнения словарного состава русского литературного языка на протяжении XIX–XXI вв. на материале словаря В. И. Даля, словаря языкового расширения А. И. Солженицына и его художественного произведения. Проанализированы мнения современных лингвистов и писателей, отражающих их взгляды на проблему развития русской лексики за счет собственных ресурсов.

Практическая направленность статьи заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в лексикологии, стилистике и лексикографии.

Теоретическая ценность статьи видится в решении проблем развития русского литературного языка на базе внутренних ресурсов, а также в развитии идиостилистики.

Ключевые слова: диалектная лексика, разговорные и просторечные слова, неологизмы, русский словарь языкового расширения, А. И. Солженицын, развитие лексики русского литературного языка, язык художественного произведения.

LINGUISTICS

Russian language

Е. И. Beglova

Internal source of the russian literary language vocabulary development in the XX–XXI centuries

The subject of the research is dialect, colloquial, vernacular and neological vocabulary as a source of enrichment of Russian literary vocabulary in the Soviet and post-Soviet periods. To justify the prominent role of the Russian non-standard vocabulary in the development of the Russian literary vocabulary, the author uses the Russian Dictionary of Language Extensions by A. I. Solzhenitsyn as well as his novella «Matryona's Place» whose language is an artistic reflection of the writer's opinion on the dialect, colloquial and outdated vocabulary.

The research objective is to investigate into the Russian literary language vocabulary development with non-standardized primordial means: dialect, colloquial, vernacular and neological vocabulary in the Soviet and post-Soviet periods.

The novelty of the study is thus seen in the examination of the usage of dialect, colloquial and vernacular vocabulary as well as neologisms as a source of the Russian literary language vocabulary replenishment during the XIX–XXI centuries. The study was conducted on the material of the Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language by V. I. Dal, the Russian Dictionary of Language Extensions by A. I. Solzhenitsyn as well as Solzhenitsyn's work of fiction. The opinions of modern linguists and writers reflecting their views on the problem of Russian vocabulary development based on the language internal resources are analyzed.

The demand for the research materials in the realms of lexicology, stylistics and lexicography determines its practical value. The theoretical relevance of the study is seen in addressing the problem of the Russian literary language development on the basis of the language internal resources as well as the development of idiostylistics.

Keywords: dialect vocabulary, colloquial and vernacular words, neologisms, the Russian Dictionary of Language Extensions, A. I. Solzhenitsyn, Russian literary language vocabulary development, language of a work of fiction.

Проблема пополнения лексики русского литературного языка за счет внутренних ресурсов (диалектной, разговорной, просторечной, устаревшей, а также неологической лексики) с точки зрения «обеднения» русского языка волновала известных русских исторических деятелей, писателей, лингвистов, лексикографов на протяжении эпох. В настоящее время, когда речь идет о снижении интереса к изучению русского языка как за рубежом, так и внутри страны, задачей лингвистов является поддержка русского языка во всех направлениях его развития. Предметом нашего исследования является диалектная, разговорная, просторечная и неологическая лексика как источник обогащения русской литературной лексики в советский и постсоветский периоды. Использование такого рода лексики в художественных произведениях писателей, в работах языковедов способствует её освоению и актуализации в разговорной речи и как итог – в русском литературном языке. Мы уже рассматривали роль диалектной лексики в художественных текстах [Беглова, 2017], а также способы обогащения русской литературной лексики [Беглова, 2018]. В данной статье источником размышлений по поводу развития словарного состава по причине его «обеднения» в советский период явился «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына (далее РСЯР), а также его повесть «Матрёнин двор», в языке которой, по нашему мнению, отражается мнение писателя по поводу роли диалектной и разговорной лексики в обогащении словарного состава русского языка. Цель статьи: исследовать проблему развития лексики русского литературного языка за счет ненормированных исконных средств: диалектной, разговорной, просторечной, а также устаревшей и неологической лексики в советский и постсоветский периоды. Материалом исследования послужили также статьи современ-

ных лингвистов и писателей, отражающих их взгляды на проблему развития русской лексики за счет собственных ресурсов, включая новообразования [Мельникова, 1996; Гусейнов, 2006; Елистратов, 2006; Коваленко, 2008; Милославский, 2006; Степашкина, 2014; Эпштейн, 2006].

А. И. Солженицын составил уникальный словарь «языкового расширения», который детально проанализирован в работах С. В. Мельниковой (С. В. Цынк) [Мельникова, 1996; Цынк, 2014]. Этот словарь включает необычные слова, о которых в предисловии говорит сам писатель [РСЯР, 2000, с. 4]: 1) недостаточно употребительные, слова «частично еще применяемые, но все реже», которые в скором времени могли выйти из сферы общенародного употребления; 2) слова, «не заслуживающие преждевременной смерти, ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение»; 3) слова, «которым может быть придано освежённое новое значение». В предисловии к «Русскому словарю языкового расширения» А. И. Солженицын назвал основной способ обогащения русского языка: «Лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств» [РСЯР, 2000, с. 3]. Словарь, как отмечает писатель, предназначен для «восполнения иссушительного обеднения русского языка и всеобщего падения чутья к нему...» [РСЯР, 2000, с. 3], а также для всех, кто в эпоху 1950-1970-х гг. «оттеснен от корней языка затёртостью сегодняшней письменной речи». Таким образом, словарь направлен на возрождение забытых исконных слов, на повышение внимания к русскому языку и адресован в первую очередь писателям, поэтому в нем решаются в большей степени не научные задачи, а художественные. Одной из важных причин «иссушительного обеднения» русского языка в советский период он видит во влиянии письменной речи на устную, с чем

нельзя не согласиться. Без сомнения, в советский период публичная речь воспроизводилась «с листа». Лексика, частотная в официально-деловом стиле, активно проникала в устную речь, вытесняя экспрессивные разговорные слова «сухими» канцеляризмами.

Большая часть слов и выражений, включенных А. И. Солженицыным в «Русский словарь языкового расширения», была извлечена им из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, из художественных произведений писателей XIX–XX вв., а также в него вошли исторические выражения и слова, услышанные самим писателем в разных местах, где ему приходилось бывать. Это лексика и фразеология была взята «...не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» [РСЯР, 2000, с. 3], то есть из народной русской речи. Часть слов А. И. Солженицын извлек из художественных произведений писателей XIX–XX вв., в частности А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Е. Замятина, И. Шмелева и др. Исследователь названного словаря И. Ю. Малыгина справедливо замечает [Малыгина, 2016, с. 35], что лексика, которую отобрал А. И. Солженицын, является материалом словаря, а сам словарь – это творческая лаборатория и писателя и ученого, она обратила лингвистическое внимание на 50 лексем, взятых А. И. Солженицыным из произведений Е. Замятина [Малыгина, 2016, с. 36]. Как свидетельствует предисловие к словарю [РСЯР, 2000, с. 4], выборку слов из словаря В. И. Даля он производил с 1947 года, а также в то время, когда находился в лагере для заключенных, и продолжил сбор лексического материала в 1975 году. Особое внимание при отборе слов А. И. Солженицын уделял исконным устаревшим и диалектным словам, а с точки зрения частей речи – наречиям и отглагольным существительным мужского и женского рода, так как ценил в них «энергию». Работая с исконными устаревшими словами, он наблюдал следующее языковое явление: некоторые слова, используемые в речи людей советского периода как жаргонные, в прошлом являлись разговорными словами, активно употреблявшимися в устной разговорной речи, например, к таковым он отнес слова: *зырить* – смотреть, *кунячь* – юж., клевать носом от дремы [РСЯР, 2000, с. 99]; *надыбать* – юж., отыскать, найти [РСЯР, 2000, с. 117]; *занаचितь* – 1) надежно спрятать что-либо 2) угол., взять, присвоить, 3) арест., приучить кого-либо к чему-либо [Мокиенко, Никитина, 2001, с. 206], [РСЯР, 2000, с. 4].

В своих художественных произведениях А. И. Солженицын намеренно использовал лексику, свойственную устной разговорной речи, например, диалектную, следуя своей концепции: обращаться за словами к «коренной струе языка» с целью расширения словарного состава языка, обогащения его экспрессивными лексемами. Заметим, что такого рода лексика в его произведениях служила не только средством речевой характеристики персонажей, но и являлась особенностью языка автора, в конечном итоге – языка А. И. Солженицына как писателя, то есть особенностью его идиостиля. Своеобразие языка художественных и публицистических произведений А. И. Солженицына, в частности окказионализмы, изучались в работах К. В. Коваленко [Коваленко, 2008], Е. С. Степашкиной [Степашкина, 2014], а также А. О. Болшева [Болшев, 2018], И. Е. Мелентьевой [Мелентьева, 2014].

Следует напомнить о том, что обращение к истокам корней русских слов как средству образования новых русских слов с целью обогащения лексикона русского литературного языка наблюдалось во все времена, например: представители старого слога ((шишковисты) – XIX в., в конце XX в. в связи с наплывом иноязычных слов, в первом десятилетии XXI в. На страницах журнала «Знамя» в 2006-ом году проводилась дискуссия о современном состоянии русского языка в открытой журналом специальной рубрике «Родная речь» [Знамя, 2006, № 3, с. 164]. Интересные точки зрения на проблемы развития русского языка представили М. Арапов [Арапов, 2006, с. 163-176], Г. Гусейнов [Гусейнов, 2006], В. С. Елистратов [Елистратов, 2006], И. Г. Милославский [Милославский, 2006, с. 151–164], М. Н. Эпштейн [Эпштейн, 2006, с. 192-207] и др. Главным вопросом редакции был следующий: «Считаете ли вы, что состояние русского языка вызывает серьезную тревогу и необходимы срочные меры по очищению от обилия заимствований, восстановления его коммуникативной и креативной (творящей) функций; если да, то какие?» [Знамя, 2006, № 3].

Остановимся подробнее на лингвистической позиции М. Н. Эпштейна, апеллирующего «к корням» русского языка, как и А. И. Солженицын. В начале 2000-х г. М. Н. Эпштейн обратил внимание на то, что происходит делексикализация русского языка, наблюдается обеднение его словарного состава [Эпштейн, 2006]. Например, он насчитал около 150 слов с корнем *-люб-* в словаре В. И. Даля, а в 1982 г. в Академическом словаре,

по его наблюдениям, осталось всего 41 слово с этим корнем; с корнем *-добр-* из 200 слов осталось 56. Во всех словарях советской эпохи, издаваемых на протяжении 70-ти лет, –125 тысяч слов, в словаре Даля – 200 тыс. слов (XIX в.) По подсчетам М. Н. Эпштейна, в Большом академическом словаре (в 17-ти тт.) насчитывается 560 слов *жен. р.* с суф. *-очк-* – *горжеточка, кокардочка, куропаточка, флеточка, присвисточка.* и др.. Автор считает, что это не самостоятельные слова, а лексические варианты, так как ничего нового в значение они не привносят. Отмечается 316 слов – *сущ. муж. р.* на *-ечек, -ичек, -очек:* *опоечек, подкрапивничек, подпечек, утиральничек, тусочек, писаречек* и т. п. По подсчетам лингвистов, известно, что 14 тысяч слов в толковом словаре В. И. Даля образована им самим с использованием продуктивных словообразовательных моделей русского языка, то есть это неологизмы, созданные на базе внутренних словообразовательных ресурсов русского языка.

Лингвист справедливо утверждает, что далевских слов в языке невозможно восстановить, потому что многие связаны с кругом устаревших или местных значений, но утверждает, что «*в живом языке корни должны расти, ветвиться, приносить новые слова*» [Эпштейн, 2006, с. 195]. М. Н. Эпштейн замечает, что «Русский словарь языкового расширения», составленный А. И. Солженицыным, не только не предлагает новых слов, но и по своей сути является скорее словником, извлеченным из далевского словаря и произведений писателей XIX–XX вв.. Мы согласимся с ним в том, что в XXI в. русскому языку нужно *воображение, способность творить новые слова и понятия*, не ограничиваясь только восстановлением устаревших слов или заимствованиями. Язык жив до тех пор, пока его корни продолжают разветвляться и плодоносить в новых словах. В связи с этим лингвист утверждает, что недостаточно пользоваться языком как орудием художественного или научного творчества; необходимо творческое обновление самого языка. В «Словарных материалах – 81» он находит лишь несколько живых слов: *выгородка, мельтешение, разлетистый, дрожливый, дружинисто, отпылать*, но считает их старыми словами, появившимися не в 1981 г., а пропущенными в прежних, более ранних, выпусках словарей. В «новых словах и значениях», по материалам всего десятилетия 1980-х гг., когда в России все начинало изменяться, он обнаруживает и «живые» слова: *соразвитие, распродетить, тягомотина, добротворчество, дурновкусие, запретитель, новодел, но-*

востной, безбытный, бардачок (полочка в автомобиле), *колыхать* (волновать), *накачанный* (о мускулатуре), *захлопать* (оратора). Или пропущенные ранее в словарях разговорные идиомы: *ложиться на дно, методом тыка, уехать за бугор* и т. п. По его наблюдениям, за 10 лет набралось лишь 600-700 новообразований из исконно русских корней, но среди них имеются ранее не учтенные слова *ё-моё, халява, граммучка*, впервые удостоенные включения в словарь. Из 3 тысяч неологизмов, пополнивших в 1981 г. словарь, около 80 % составляют слова иноязычного происхождения [Эпштейн, 2006, с. 197-207].

В 1990-х начале 2000-х гг. поток иноязычных слов увеличился, при этом соотношение иноязычных слов и исконных стремительно менялось в пользу заимствований. В постсоветский период многие лингвисты и писатели говорили о том, что русскому языку нужно расти из своих собственных корней.

В 2006 году М. Н. Эпштейн создал проект творческого развития русского языка «Дар слова. Проектный словарь русского языка», в который предложил включить слова, для обозначения еще не названного в языке. Задачи проекта: 1) выявление словесных лакун и попытка их заполнить; 2) предложить такое слово, которое могло бы восприниматься как произведение в жанре *однословия*, подразумевающего точность в определении значения, размежевание синонимов, стилистическую пластичность речевых примеров; 3) коммуникативная задача: создать такое слово, которое могло бы с пользой применяться говорящими и пишущими, а в конечном счете – войти в язык, вплоть «до забвения» авторства [Эпштейн, 2006, с. 192-207].

Считаем, что этот проект заслуживает внимания лингвистов, но, по нашему мнению, возникают трудности в обнаружении словесных лакун. Более того, не все иноязычные слова следует заменять русским словом, так как иногда они отражают новую семантику и пополняют синонимические ряды русского языка.

А. И. Солженицын в свой словарь, составленный с опорой на толковый словарь В. И. Даля, включил ненормированную разговорную, просторечную, диалектную лексику, называющую лиц, признаки чего-либо, цвет, действия, признаки действия, особо выделил группы слов «О лошадей» [РСЯР, 2000, с. 268-271] и «Некоторые бранные слова» [РСЯР, 2000, с. 272]. Следует отметить то, что лексика и фразеология, включенная в этот словарь, обладает особой экспрессией, оценочно-

стью, эмоциональностью, а также семантическим наполнением (новыми семами), она ориентирована на выразительность речи, «русскую» коммуникацию, опирающуюся на языковые, культурные, исторические и бытовые пресуппозиции. Например, отмечается большое количество диалектных слов, называющих лицо: *мам'оня* – обл., вялый лентяй, обжора [РСЯР, 2000, с. 106]; *масл'ютка* – обл., у кого глаза, поведение угодническое [РСЯР, 2000, с. 106]; от глагола *маслить* – льстить, *л'ында* – обл., шатун [РСЯР, 2000, с. 104]; или разговорная лексика и фразеология: наречие *м'айко* – знойно, томительно; существительные *ман'а* – приманка, привада, соблазн; в словаре наблюдаются фразеологизмы с этим словом: *ман'у пускает* – отводит глаза, на него *ман'а* *находит* – ему чудится, он бредит [РСЯР, 2000, с. 106]; *лун'еж* – грабеж, взятки [РСЯР, 2000, с. 104].

Фиксируются словосочетания с несвойственной современной лексической норме лексической сочетаемостью, например: *маститая старость* – глубокая, но не дряхлая старость; *маст'итый старец* – умашённый веком и почетом; *матёрая земля* – 1) материк, 2) нетронутый пласт, *мат'ерые годы человека* – средние годы [РСЯР, 2000, с. 106]. Включены *словообразовательные неологизмы*, созданные способом сложения, свойственным русскому словообразованию, в частности неологизмам В. И. Даля и А. И. Солженицына, например, сложные слова: *медноцв'етный* – похожий по цвету на медь [РСЯР, 2000, с. 107], *малоупр'авный* – плохой распорядитель [РСЯР, 2000, с. 106], *мелкопор'ошье* (о снеге) [РСЯР, 2000, с. 107], *мелкоп'ушье* – кустарник по краю леса [РСЯР, 2000, с. 107]; *любнонач'алие* – властолюбие, *любопр'ения* – склонность к спорам, *любостр'анствие* – склонность к путешествиям [РСЯР, 2000, с. 104]. По нашим подсчетам, с корнем -люб- зафиксировано 49 слов [РСЯР, 2000, с. 104], с корнем -мал- – 75 [РСЯР, 2000, с. 105-106], например: *малоп'исьменный* – малограмотный, *малол'ищый*, *малоз'яблое* (дерево), *малод'ырое* (решето), *малодождие*, *малов'естие* – недостаток вестей, *малод'ознанное* дело, *малодоказанный* и др.

Особого внимания заслуживают *семантические неологизмы*, например: *лун'ить* – светить слабым белым светом (от существительного луна) [РСЯР, 2000, с. 104], *л'унствовать* – снобр'одить, *лунь* – тусклый свет, тусклая белизна [РСЯР, 2000, с. 104]. Неологизмы: *бережничать* – жить, оста-

ваться промышлять на берегу (от существительного *берег*) [РСЯР, 2000, с. 16], *берл'ожник* – слеплый медведь (на основе метафорического переноса: зиму медведь проводит лежа в берлоге, спит); *береж'оха* – скопидомка, хозяйка (от глагола *беречь* в значении *экономить*) [РСЯР, 2000, с. 16], *бир'ючий* – волчий (от существительного *бирюк*), *бесчулый* – черствый, грубый, нечувствительный [РСЯР, 2000, с. 17] и др.

Как видно из сказанного выше, стремление обогатить русский лексикон за счет ресурсов русского языка, включая образование неологизмов, является одной из важных и трудных задач лингвистов и писателей, журналистов, кому не безразлична самобытность русского слова, отражающего русскую ментальность. В связи с этим язык художественных произведений 1960-х гг. А. И. Солженицына представляет интерес с точки зрения реализации его идеи: писать по-русски, используя «живые» слова, уходящие корнями в русскую народную речь. По нашему мнению, эта идея великолепно материализовалась в повести «Матрёнин двор» (1959 г.) [Солженицын, 2000]. Произведем лексический анализ языка этой повести. В целом язык повести отличается экспрессивностью и эмоциональностью, создаваемой диалектными, разговорными, просторечными, лексемами и выражениями, наблюдающимися как в речи персонажей, так и в речи автора.

Так, в речи автора отмечается лексика, раскрывающая ментальные образы России, демонстрирующая «звучание» живой разговорной речи. Например: *Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с листовным рокотом леса. Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутрянной России – если такая где-то была* [Солженицын, 2000, с. 145]; *Мне не спалось на стационарной скамье, и я чуть свет опять побрел по поселку. Теперь я увидел крохотный базарец. По рани единственная женица стояла там, торгуя молоком* [Солженицын, 2000, с. 148]; *Меня поразила ее речь. Она не говорила, а напевала умильно, и слова ее были те самые, за которыми потянула маня тоска из Азии: – Пей, пей с душою жел'адной. Ты, потай, приезжий? И узнал, что не все вокруг торфоразработки, что есть за полотном железной дороги – бугор, а за бугром – деревня, и деревня эта – Т'альново, испокон она здесь, еще когда была барыня-«цыганка» и кругом лес лихой стоял. А дальше целый край идет деревень: Часлицы, Овинцы, Спудни, Шевертни, Шестимирово – всё поглуше, от железной дороги подале, к озёрам. Ветром успокоения потянуло на меня от*

этих названий. Они обещали мне **кондовую** Россию [Солженицын, 2000, с. 148]. Метафора **рокот** леса создается с помощью звукообразного слова **рокот** – однообразный раскатистый звук [СО, 1983, с. 608]. Используются разговорные слова, получающие в контексте семантическое обновление: **затесаться** – спрятаться, стать незаметным; в **нутрянной** (России) – в скрытой части, нетронутой урбанизацией (от существительного **нутро** – **внутренность**, что-то глубоко скрытое); наречие **по рани** вместо **рано**, **к'ондовая** (Россия) – от существительного **к'онда** – 1) боровая крепкая сосна, 2) плотная часть хвойного дерева [РСЯР, 2000, с. 94], **к'ондовый** – с плотной, мелкослойной древесиной, очень прочный [СД, т. 2, 1978, с. 150], в контексте слово получает семантическое приращение: «настоящая Россия: с лесами, озерами, реками, почти не тронутой человеком природой». В речи персонажа данного контекста встречается диалектная лексика: **с желадной** (душою) – с удовольствием, с большой охотой, желанием; **потай** – как водное слово **навверное**. Или в речи автора употребляется диалектная лексика, которая объясняется в тексте. Например: ... она повела меня к одним своим родным, и еще к другим. Но и здесь не нашлось комнаты отдельной, везде было тесно и **лопотно** [Солженицын, 2000, с. 148]; наречие **лопотно** – от существительного **л'опот** – шумный говор, несвязный шум [СО, 1983, с. 103]; вероятно, от **лопотать** – говорить быстро, неясно. За входной дверью внутренние ступеньки понимались на просторные **мосты**, высоко осененные крышей. Налево еще ступеньки вели вверх в **горницу** – **отдельный сруб без печи**, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба с чердаком и подпольем [Солженицын, 2000, с. 149]; **мосты** – диал., сени, (задняя часть сеней) [СД, т. 2, 1978, с. 350]; **горница** – обл., чистая половина крестьянской избы [СО, 1983, с. 292]; в тексте слово употреблено в этом значении. Кроме **Матрены** и меня, жили в избе ещё: **кошка**, **мыши** и **тараканы**. **Кошка** была немолода, а главное – **колченога**.... Хотя она и ходила на четырех ногах, но сильно **прихрамывала**: одну ногу она берегла, больная была нога [Солженицын, 2000, с. 151]. Автор предпочитает литературному слову **хромонюгая** просторечное слово **колченогая** – просторечное, хромонюгая. [СО, 1983, с. 253]. Был святой угол в чистой избе, и иконка **Николая Угодника** в кухне. **З'абудни** стояли они **тёмные**, а во время **всенощной** и с утра по праздникам **зажигала Матрёна лампаду** [Солженицын, 2000, с. 163]; **з'абудни** – образовано от слова **б'удни** –

рабочие дни; **б'удничать** – не праздновать какой-либо день, работать [РСЯР, 2000, с. 22]. Автор использует новообразования, например: **Гнила и старела когда-то шумная, а теперь пустынная изба** – старела в ней **беспритульная Матрёна** [Солженицын, 2000, с. 170]. В словаре В. И. Даля: **притул'ять, притул'ить** – 1) прислонить, прикрыть; 2) приютить, дать пристанище, кров [СД, т. 3, 1978, с. 454]. **Беспритульный** – не имеющий укывища [РСЯР, 2000, с. 16]. Прилагательное **беспритульная** образовано от глагола **притулиться** – прислониться к чему-либо [СО, 1983, с. 253]. с помощью приставки **бес-**. Заметим, что в контексте слово получает семантическую коннотацию «беззащитная» (Матрена). Или: **И вдруг в притёмке у входных дверей, на пороге, я вообразил себе черного молодого Фаддея с занесенным топором** [Солженицын, 2000, с. 180]. В словаре В. И. Даля фиксируются глагол **притемнять** в значении «делать потемнее» [СД, т. 3, 1978, с. 452] и существительное **притёмок** в значении «тёмная каморка или чуланчик без окна» [СД, т. 3, 1978, с. 452]. Существительное **притёмок** образовано с помощью приставки **при-**, оно расширяет словообразовательный ряд с корнем **-тем-**: **темнеть, темнота, темень, темно**. В контексте названные значения накладываются: это и темная часть избы перед входом в комнату и место у порога, где темнее, чем в комнате, то есть выражается значение неполноты признака «чуть темное», выступая синонимом существительного **тень** (**притемок**) – в тени.

Следует заметить, что в повести А. И. Солженицын использует как словообразовательные, так и семантические, неологизмы. Например, словообразовательные неологизмы, образованные с помощью приставок и суффиксов: **Без ошибки я мог предположить, что вечером над дверьми клуба будет надрываться радиоло, а по улице пображивать пьяные да подпыривать друг друга ножами** [Солженицын, 2000, с. 147]. Глаголы с приставкой **по-** передают действия, совершаемые время от времени. Или: **Мне не спалось на станционной скамье, и я чуть свет опять побрел по поселку. Теперь я увидел крохотный базарец** [Солженицын, 2000, с. 148]. Слово с уменьшительным суффиксом **-ец-** **базарец** создает смысловую градацию с эпитетом **крохотный**, словесно рисуящую очень маленькое место для торговли, то есть **базара**.

Следует заметить, что автор сознательно использует в повести слова, характерные для речи местных жителей, акцентируя в тексте их важ-

ность для говорящих. Например: *Чт'о на завтрак, она не объявляла, да это и догадаться было легко: картовь необдупленная, или суп картонный (так выговаривали все в деревне), или каша ячневая... [Солженицын, 2000, с. 153]; И, простодушно глядя блекло-голубыми глазами, спрашивала: «Ну, а к уж'откому что вам приготовить?» К уж'откому значило – к вечеру. Ел я дважды в сутки, как на фронте. Что я мог заказать к уж'откому? Все из того же, картовь или суп картонный [Солженицын, 2000, с. 154]; Тут как зима закрутит, да ду'ель в окна, так не только топшишь, сколько выдувает [Солженицын, 2000, с. 156]; ду'ель – метель. Или: Вынесены и соштабелёваны были брёвна перед воротами, зять-машинист уехал в Черусти за трактором. Но в тот же день началась мятель – ду'ель, по-матрёнинуму [Солженицын, 2000, с. 172]. Порча – порция: И решила вся деревня, что в Матрене – порча. «Порция во мне! – убежденно кивала и сейчас Матрёна. – Возили меня к монашенке одной бывшей лечиться, она меня на кашель наводила – ждала, что порция из меня лягушкой выбросится. Ну, не выбросилась...» [Солженицын, 2000, с. 170].*

Таким образом, с одной стороны, диалектная, разговорная, просторечная пейоративная и мелиоративная, в том числе и устаревшая, лексика должна служить источником пополнения лексики русского литературного языка в периоды его «обеднения», то есть когда появляется необходимость в названии новых явлений, когда часть слов устаревает и не используется в речи, когда поток заимствований увеличивается, отстраняя исконно русские слова и выражения. С другой стороны, при недостатке лексических средств для выражения эмоций, а также смысловых оттенков необходимо создавать новые слова, используя продуктивные словообразовательные модели русского языка, способы образования слов (морфологический, семантический), наделяя слова новыми смысловыми оттенками, развивая многозначность у некоторых слов и др. Мнения авторитетных писателей, лингвистов по поводу развития лексики русского литературного языка и самого русского языка за счет внутренних ресурсов нашли отражение в словарях, художественных произведениях, но следует помнить о том, что языку ничего навязать нельзя, он сам отбирает лучшее, «переваривая» в процессе коммуникации разные языковые единицы, оставляя в себе то, что способствует эффективному выражению смысла и эмоций. Но языковые средства самого языка всегда были и

будут источником его развития, пополнения лексики, о чем свидетельствуют лексические процессы XIX в., конца XX–XXI вв., отражающие вхождение в русский литературный лексикон диалектных (особенно в XIX в.) жаргонных, просторечных, а также и заимствованных слов.

Словари, подобные словарю А. И. Солженицына, словари идиостилей писателей представляют большой интерес не только для специалистов, но и для носителей русского языка в целом, так как они демонстрируют потенциал русского языка, его богатство, выразительность, самобытность. Они полезны для начинающих писателей, журналистов для реализации их творческих возможностей.

Попытки образования неологизмов, индивидуально-авторских или в целевых языковых проектах, подобных проекту М. Н. Эпштейна «Дар слова...», по нашему мнению, также необходимы, однако эти языковые новообразования должны быть доступны носителю русского языка, поэтому важно выпускать словари неологизмов. Овладевая неологизмами, языковая личность начинает применять отобранные ею новые слова для разного вида коммуникации, популяризируя их, давая тем самым возможность слову в перспективе освоиться в разговорной речи и войти в русский литературный лексикон.

Библиографический список

1. Арапов М. Наш великий и могучий... // Знамя. 2006. № 2. С. 163-176.
2. Беглова Е. И. Диалектизмы как безэквивалентная русская лексика и средство «оживления» персонажа в произведении И. А. Бунина // Славянские чтения – 2017 / отв. ред. Л. В. Климина. Стерлитамак: СФ БГУ, 2017. С. 134-137.
3. Беглова Е. И. Детерминологизация как лексический процесс в русском литературном языке конца XX–XXI вв. // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации / отв. ред. О. В. Шаталова. Москва: МГОУ, 2018. С. 30-35.
4. Болшев А. О. Авторитарное слово в произведениях Солженицына // Вестник Томского государственного университета. Филология (428). 2018. С. 12-16. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/54030555> (дата обращения: 23.11.2019).
5. Гусейнов Г. Жесть // Знамя. 2006. № 4. С. 173-178.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [в 4 томах]. Москва: Русский язык, 1978.
7. Елистратов В. С. В трехмерном пространстве русского языка // Знамя. 2006. № 3.
8. Знамя. 2006. № 3. 281 с.
9. Коваленко К. В. Окказионализмы из словаря прозы А. И. Солженицына в аспекте структурно-

семантической типологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 82-1. С. 166-171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalizmu-slovarya-prozy-a-i-solzhenitsyna-v-aspekte-strukturno-semanticheskoy-tipologii/viewer> (дата обращения: 26.11.2019).

10. Малыгина И. Ю. Русский словарь языкового расширения А. И. Солженицына как форма диалога с русскими писателями XX века (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1. В 2 частях. Часть 2. С. 34-39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-slovar-yazykovogo-rasshireniya-a-i-solzhenitsyna-kak-forma-dialoga-s-russkimi-pisatelyami-hh-v-a-solzhenitsyn-e-zamyatin-i-shmelev> (дата обращения: 19.11.2019).

11. Мелентьева И. Е. «Страшные слова у Солженицына» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Выпуск 2. С. 41-44.

12. Мельникова С. В. Лексический потенциал языка в оценке А. И. Солженицына (на материале «Русского словаря языкового расширения»). – Самара, 1996. – 16 с.

13. Милославский И. Г. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет // Знамя. 2006. № 3. С. 151-164.

14. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 720 с.

15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд-е 14-е / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык, 1983. 816 с.

16. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд-е. Москва: Русский путь, 2000. 280 с.

17. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича (Рассказы 60-х годов). СПб.: Азбука, 2000. 351 с.

18. Степашкина Е. С. Окказиональные глаголы в публицистике А. И. Солженицына // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 86-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalnye-glagoly-v-publitsistike-a-i-solzhenitsyna/viewer>. (дата обращения: 23.11.2019).

19. Степашкина Е. С. Функционирование окказионализмов в публицистике А. И. Солженицына // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2014. Т. 13. Выпуск 6. Журналистика. С. 143-148. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-okkazionalizmov-v-publitsistike-a-i-solzhenitsyna/viewer> (дата обращения: 26.11.2019).

20. Цынк С. В. Лексический потенциал языка в оценке А. И. Солженицына (на материале «Русского

словаря языкового расширения»): монография. Москва: НИЯУ МИФИ, 2014. 144 с.

21. Эпштейн, М. Н. Русский язык в свете творческой филологии // Знамя. 2006. № 1. С. 192-207.

Reference List

1. Arapov M. Nash velikij i moguchij... = Our Great and Mighty... // Znamja. 2006. № 2. S. 163-176.

2. Beglova E. I. Dialektizmy kak bezjektivnaja russkaja leksika i sredstvo «ozhivlenija» personazha v proizvedenii I. A. Bunina = Dialectal and Vernacular Words as Russian Nationally Biased Units and Means of Character «Animation» in Ivan Bunin's Piece of Work // Slavjanskije chtenija – 2017 / otv. red. L. V. Klimina. Sterlitamak: SF BGU, 2017. S. 134-137.

3. Beglova E. I. Determinologizacija kak leksicheskiy process v russkom literaturnom jazyke konca XX–XXI vv. = Determinologization as a Lexical Process in the Russian Literary Language of Late 20th – early 21st centuries // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj komunikacii / otv. red. O. V. Shatalova. Moskva: MGOU, 2018. S. 30-35.

4. Bolshev A. O. Avtoritarnoe slovo v proizvedenijah Solzhenitsyna = Authoritarian Word in Solzhenitsyn's Works // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija (428). 2018. S. 12-16. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/54030555> (data obrashhenija: 23.11.2019).

5. Gusejnov G. Zhest' = That's Gross // Znamja. 2006. № 4. S. 173-178.

6. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka [v 4 tomah] = Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language (in 4 Volumes). Moskva: Russkij jazyk, 1978.

7. Elistratov V. S. V trehmernom prostranstve russkogo jazyka = In the Three-dimensional Space of the Russian Language // Znamja. 2006. № 3.

8. Znamja = Znamya. 2006. № 3. 281 s.

9. Kovalenko K. V. Okkazionalizmy iz slovarja prozy A. I. Solzhenitsyna v aspekte strukturno-semanticheskoy tipologii = Occasional Words from the Dictionary of Alexander Solzhenitsyn's Prose in Terms of Structural and Semantic Typology // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. Ser. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2008. № 82-1. S. 166-171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalizmu-slovarya-prozy-a-i-solzhenitsyna-v-aspekte-strukturno-semanticheskoy-tipologii/viewer> (data obrashhenija: 26.11.2019).

10. Malygina I. Ju. Russkij slovar' jazykovogo rasshirenija A. I. Solzhenitsyna kak forma dialoga s russkimi pisatelyami XX veka (A. Solzhenitsyn, E. Zamjatin, I. Shmelev) = The Russian Dictionary of Language Extensions by A. I. Solzhenitsyn as a Form of Dialogue with the Russian Writers of the 20th Century (A. Solzhenitsyn, E. Zamyatin, I. Shmelev) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 1. V 2 chastjah. Chast' 2. S. 34-39. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-slovar-yazykovogo-rasshireniya-a-i-solzhenitsyna-kak-forma-dialoga-s-russkimi-pisatelyami-hh-v-a-solzhenitsyn-e-zamyatin-i-shmelev> (data obrashhenija: 19.11.2019).

11. Melent'eva I. E. «Strashnye slova u Solzhenicyna» = «Scary Words in Solzhenitsyn's Works» // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Ser. Filologija. Zhurnalistika*. 2014. T. 14. Vypusk 2. S. 41-44.

12. Mel'nikova S. V. Leksicheskij potencial jazyka v ocenke A. I. Solzhenicyna (na materiale «Russkogo slovarja jazykovogo rasshirenija») = *The Lexical Potential of a Language as Assessed by A. I. Solzhenitsyn (Based on the Russian Dictionary of Language Extensions)*. Samara, 1996. – 16 s.

13. Miloslavskij I. G. Russkij jazyk kak kul'turnaja i intellektual'naja cennost' i kak shkol'nyj predmet = *The Russian Language as a Cultural and Intellectual Value and a School Subject* // *Znamja*. 2006. № 3. S. 151-164.

14. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona = Unabridged Dictionary of the Russian Jargon* / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. SPb. : Norint, 2001. 720 s.

15. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka = The Russian Dictionary*. Izd-e 14-e / pod red. N. Ju. Shvedovoj. Moskva : Russkij jazyk, 1983. 816 s.

16. *Russkij slovar' jazykovogo rasshirenija = The Russian Dictionary of Language Extensions* / sost. A. I. Solzhenicyn. 3-e izd-e. Moskva : Russkij put', 2000. 280 s.

17. Solzhenicyn A. I. *Odin den' Ivana Denisovicha (Rasskazy 60-h godov) = One day in the Life of Ivan Denisovich (Stories of the 1960s)*. SPb. : Azbuka, 2000. 351 s.

18. Stepashkina E. S. Okkazional'nye glagoly v publicistike A. I. Solzhenicyna = *Occasional Verbs in A. Solzhenitsyn's Non-fictional Works* // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 5 (116). S. 86-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalnye-glagoly-v-publitsistike-a-i-solzhenitsyna/viewer>. (data obrashhenija: 23.11.2019).

19. Stepashkina E. S. Funkcionirovanie okkazionalizmov v publicistike A. I. Solzhenicyna = *Occasional Word Functions in A. I. Solzhenitsyn's Non-fictional Works* // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija. Filologija*. 2014. T. 13. Vypusk 6. *Zhurnalistika*. S. 143-148. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-okkazionalizmov-v-publitsistike-a-i-solzhenitsyna/viewer> (data obrashhenija: 26.11.2019).

20. Cynk S. V. Leksicheskij potencial jazyka v ocenke A. I. Solzhenicyna (na materiale «Russkogo slovarja jazykovogo rasshirenija») = *The Lexical Potential of a Language as Assessed by A. I. Solzhenitsyn (Based on the Russian Dictionary of Language Extensions): monografija*. Moskva : NIJaU MIFI, 2014. 144 s.

21. Jepshtejn, M. N. *Russkij jazyk v svete tvorcheskoj filologii = The Russian Language in the Light of Creative Philology* // *Znamja*. 2006. № 1. S. 192-207.